

Как я стал писателем — эпизод 3 из 6

А мне хоть бы без конца вертеться. Но только с Аничкой.

У ней были синие-синие глаза, а губки аленькие и сладкие, и всегда от них пахло карамелькой. Она часто утаскивала меня в темный коридор, усаживала на большой сундук и приказывала рассказывать. Я многое ей рассказывал, чего и она не знала. Рассказал даже, как барин отнял у старика жернова, а петух его все страшал: «Барин-барин, отдай стариковы жернова!» — и как барин велел петушка зарезать и съел до перышка, а петушок высунул из барина головку и закричал опять: «Барин, барин, отдай стариковы жернова!» — и как барин велел голову петуху рубить, а петух-то и уюкнул назад, а слуги и отрубили барину... Тут я не мог сказать. Она не отставала и все допытывалась:

— Скажи, чего барину отрубили? Дам еще конфетку!

Я сказал, что говорят это плотники, а я не могу сказать. Тогда она научила еще стишкам и повела меня на другой сундук, под шубы:

Пуговицы-вицы-вицы,
Лебутон-тон-тон,
Баринина-нина-нина,
Лемутон-тон-тон!

И все-таки я не мог сказать. Тогда она еще научила:

Кескевуфет?
Пошла кошка в буфет,
Нашла фент конфет,
Донмуа! Ах, нет!..

Тут она развернула карамельку, взяла ее в зубы и стала меня дразнить:

— Скажи, чего барину отрубили... тогда дам! Не скажешь, не дам! — И ущипнула меня за носик, и очень больно. Но и тут я не смог сказать. Тогда она мне сказала, что она и без меня знает, чего барину отрубили. Я начал спорить:

— А вот не знаешь, не зна-ешь!

Но она так щипнула меня за мягкое, что я вырвался от нее и крикнул, как у нас плотники:

— Лешая голова!

Нас застала Анна Дмитриевна и долго бранила Аничку. С тех пор Аничка меня не трогала, и я очень по ней скучал. Кажется, и она скучала. Пройдет мимо меня, сунет карамельку в губы, рот мне погладит будто и ничего не скажет.

Но уже многие стали приставать, чтобы я рассказал сказочку. Сказочек я знал много, от наших плотников. Бывало, меня обступят, — и все старшие девочки, — сажают на колени и слушают, дают даже и шоколадные конфетки. Я жую и рассказываю, будто сам себе. И вдруг через головы нагнется... Анна Дмитриевна! И скажет:

— И чего ты болтаешь все! Ну-ну, рассказывай...

Мне делается стыдно. Разве можно при ней рассказывать, как поп на своем работнике катался и как ругался! Или — как попадья сметану воровала, а сама на Миколу-угодника сваливала?! Или вот про пилу, которую плотники наши заставляют пилить доски, а доски плачут и роняют опилки- слезки, и даже пила плачет! Она засмеется и пристыдит:

— Ну, как ты... такие глупости!

А сама любит слушать. И сколько раз бывало, — взглянет на свои золотые часики на цепочке до живота и вскрикнет:

— Мед-муазель... кляс! кляс!

Много у меня было о чем рассказывать. Народ на нашем большом дворе менялся, как менялся народ на улице: приходили и уходили плотники, столяры, маляры, штукатуры, кровельщики, конопатчики, кузнецы, колесники, кирпичники, глиномялы, землекопы, плотгоны, лесовалы, свайщики, парильщики, банщики, водоливы, барочники, ездоки, всяких дел и ремесел люди. Приходили они со всюду, со всех губерний округ Москвы, со своими рассказами и песнями, с радостями и горем, каждый — со своим говором. Много я послушал, от первых дней. Многое мне запало в душу.

Должно быть, за постоянную болтовню прозвали меня в первом классе гимназии — «римский оратор», — и кличка эта держалась долго. В бальниках то и дело отмечалось: «Оставлен на полчаса за постоянные разговоры на уроках».

Это был, так сказать, дописьменный век истории моего писательства. За ним вскоре пришел и «письменный».

В третьем, кажется, классе я увлекся романами Жюль Верна и написал — длинное и в стихах! — путешествие наших учителей на Луну, на воздушном шаре, сделанном из необъятных штанов нашего латиниста «Бегемота».

«Поэма» моя имела большой успех, читали ее даже и восьмиклассники, и она наконец попала в лапы к инспектору. Помню пустынный зал, иконостас у окон, в углу налево, — 6-я моя гимназия! — благословляющего детей Спасителя, — и высокий, сухой Баталин, с рыжими бакенбардами, трясет над моей стриженной головой тонким костлявым пальцем с отточенным остро ногтем, и говорит сквозь зубы — ну прямо цедит! — ужасным, свистящим голосом, втягивая носом воздух, — как самый холодный англичанин:

— И ссто-с такое... и сс... таких лет, и сс... так неуважительно отзываеесса, сс... так пренебрежительно о сстарссых... о наставниках, об учителях... нашего посстенного Михаила Сергеевича, сына такого нашего великого историка позволяес себе называть... Мартысской!.. По решению педагогического совета...